

Рис Крейси

Как долго...

— Как долго я тебя искала!..

Ее глаза наполнились слезами. Нет, не так. Ее удивительно пронзительные и одновременно пресыщенные неведомым опытом глаза наполнились быстрыми слезами ребенка, каковым Дина, по сути, и являлась. Да, так, пожалуй, лучше. Хотя, конечно, тоже...

— Какое счастье, что я тебя нашла!

— Счастье, что мы нашли друг друга, — если ее банальности звучали, как изысканные созвучия Моцарта, то точно такие же по смыслу и даже по звуку, но произнесенными им, Сержем, мужичонкой сорока с лишним (крайне лишним!) лет от роду, ни в чем, кроме сарказма, не преуспевшем, резали слух, как бумагу гильотина. А Серж остро чувствовал фальшь. Фальшь во всем, но особенно в словах. И особенно в своих. Слушал, говорил, говорил, слушал, тут же переносил текст на воображаемую бумагу и редактировал. Не всегда талантливо, как, например, только что, но...

И сейчас он почувствовал себя неловко. Для стирания неловкости он знал лишь одно средство, но Дина грациозно выскользнула из хозяйски грубого объятия, и обманутые Сержевы губы, уже свернутые в трубочку для

поцелуя, превратили ситуацию из просто неловкой в невыносимую. Впрочем, Дина, казалось, ничего не заметила. Зато отметил для себя Серж. Отметил, что уверенная грация, с которой двигалась Дина, так же не вяжется с ее внешностью, как и глаза. Болезненно кольнула мысль: что же за жизненный опыт такой за угловатыми плечиками этой девочки?

— Я сейчас! — Она упорхнула в коридор, и, провожая взглядом подростковую наготу, он в очередной раз подумал, как же ему повезло. Как рыбаку, день за днем вылавливающему положенную мелочь, но живущему мечтой однажды поймать настоящую рыбину. Сравнение Дианы с рыбной показалось Сержу забавным, и он улыбнулся. Улыбка получилась глупой и самодовольной настолько, что он опять это почувствовал. Как будто даже увидел. И тут же потянулся за сигаретой. Сигареты ему шли. Во всяком случае, он так думал.

Итак, ему повезло. Рыбина сама кинулась на крючок, уже давно лишенный хотя бы маломальской наживки...

Дина отделилась от группки таких же длинноного-миниубочных старшеклассниц и пошла прямо к нему. Серж и тогда курил, глядя на девчонок просто потому, что они вошли в поле его меланхоличного взгляда. Глядел без особого интереса и уж тем более без вожеления, так безапелляционно приписываемого всем мужчинам за тридцать. Он просто сравнивал сегодняшних школьниц со школьницами восьмидесятых. Восьмидесятых уже прошлого века. Да, уже прошлого. Ах, какие это были девчонки! Нет, все-таки нынешние, столь откровенно полуодетые и столь же откровенно безмозглые, и в подметки...

— Закурить дай!

Почему-то Серж не отреагировал на столь явное неуважение, почти хамство, и не кинулся в нравоучительную отповедь, а просто протянул ей почти полную пачку. Длинными наращенными ногтями она попыталась достать сигарету, на полсекунды задумалась, забрала всю пачку, пробурчав мало уместное: «А, ладно!», развернулась, как ни в чем не бывало, и побежала к подругам. Серж с тоской проводил удаляющееся курево, про себя матюгнулся, но даже не попытался восстановить справедливость. Более того, его снова пробило на сентиментальные воспоминания. Была такая бэшница Ольга, смазливая, грудастая, все пацаны по ней сохли, хотя видно было, что станет коровой (позже и стала), но кого это тогда волновало!..

— Проводишь?

Нет, для воспоминаний явно черный день. Та же мадмуазелина снова стояла рядом, нетерпеливо одергивая непокорное подобие юбки на загорелые бедра. Остальные азартно похихикивали.

— Пospорила, что ли?

— Типа того.

— А если тип тот откажется?

— Чего? — Видимо, в ее хорошенькой головке не было места для мысли, что старый хрыч способен оказать сопротивление. Он и не оказал.

— А, ладно. — Делать было все равно нечего, и Серж встал. Встал, натянул брюки на предательское брюшко и приглашающе хрустнул локтем. Ди-

на, тогда еще не обретшая имени, проигнорировав предложенную руку, развернулась и пошла, почти побежала. Хихиканье подруг стало совсем уж неприличным. Почти вульгарным. И только тогда девушка обернулась, вернулась и обхватила его все еще согнутый локоть. — Так-то лучше.

— Помолчи, а?

— Слушайте, девушка, то, что я ввязался в вашу дурацкую игру, вовсе не означает, что мне можно хамить!

— Извини, я просто нервничаю.

— Это не может служить оправданием хамству. Хамству вообще нет оправданий.

— Я же сказала: нервничаю! От того, как все пройдет, может, моя жизнь зависит!

— Что все и куда пройдет?

— Какая разница! Я же извинилась! Чего тебе еще?

— Я подумаю. Пошли.

И они пошли. И пришли. И вот он здесь. Судя по всему — у нее дома. И ему хорошо. Да, повезло ему. Свежее, только из печки, воспоминание, уже покрылось редакторским лоском, потеряв живость, но зато обретя стройность типографского шрифта.

— А вот и я.

Она была умопомрачительна. Нет, конечно, в этом возрасте любая хорошенькая или даже просто нестрашненькая девушка соблазнительна в любом наряде... Но Серж вообще терпеть не мог все эти кожаные садо-мазо прибабасы. Он предпочитал кондовый секс, без пред- и послесловий, разве что сигаретку после, а затем — долгий здоровый сон. Желательно в одиночку.

Однако Дине было наплевать на его предпочтения. Тем более, что она о них даже не подозревала. И вышла в кожаном бикини, кожаных же сапогах и, что совсем уж ни в какие ворота, с грозного вида хлыстом. И тут Сержево эго разделилось. В то время как все его существо бурно возмутилось против столь явных нарушений норм общепринятой им морали, его плоть, напротив, отреагировала самым естественным и неприличным образом. И плоть, как всегда оказалась сильнее. Рот Сержа наполнился липкой, сушащей губы слюной, дыхание стало жарким, прерывистым и хриплым. Где-то в глубине сознания ему еще стало стыдно за себя, за дебильную улыбку, смахивающую на оскал орангутанга, за член, вздыбившийся, словно укушенный осой, и даже за вонь протабаченного рта, который он не удосужился хотя бы прополоскать...

Дина, явно довольная произведенным эффектом, улыбнулась, профессионально медленно провела языком по ярким губам (именно провела языком, а не облизнулась), накрашенным какой-то совершенно не идущей ей, но оттого почему-то лишь более возбуждающей помадой, и...

— Как долго я тебя искала!.. Какое счастье, что я тебя нашла!

— Счастье, что мы нашли друг друга!

Долгий, нескончаемо долгий и бесконечно сладкий поцелуй был прерван... не мыслью, нет, пониманием: что-то не так! Серж открыл глаза и увидел глаза. Ее глаза, спокойные, изучающие и — жестокие. Это так не вязалось с ощущениями, передаваемыми мозгу губами, что Серж почти испуганно вновь зажмурился. Дина оторвалась от него и села. Пока Серж, по-прежнему с закрытыми глазами, лихорадочно пытался сообразить, что же именно он сейчас видел, она закурила, глубоко затянулась и выдохнула вместе с дымом:

— Ты меня не вспомнил... Интересно, все мужчины такие беспамятливые или это только мне так повезло?

— Мы что... Мы разве знакомы?

Хриплый горький смех был ему ответом. Впрочем, как раз ответом-то он и не был, скорее, вопросом, вопросами, тысячами вопросов! Не мог он знать эту совсем еще девчонку, тем более обидеть ее настолько, чтобы заслужить такой вот смех! При всей своей непутевости Серж был в общем-то вполне приличным человеком и уж никак не обидчиком юных особ. Так, мелкие грешки на стороне — это конечно, но не более того...

— Не парься так. Сейчас я покажу тебе.

Ее лицо приблизилось к нему так близко, что вопреки своей воле он снова возбудился. И снова устыдился своего бесстыжего организма.

— Открой глаза, не бойся!

— Да я и не боюсь, — стандартно бодро отвечивал Серж, хотя сам вряд ли мог бы поклясться в этом. Тем более что глаза так и не открыл.

— Твоя мать когда-то обучила меня этому трюку, так что не бойся, больно не будет.

Мама умерла двадцать лет назад, вяло подумал Серж, но развивать мысль не стал, а послушно приподнял веки. Глаза, да и все лицо Дины, не выражали ровным счетом ничего, и Серж внезапно успокоился.

— Я не боюсь. — На этот раз это была чистая правда. Ему стало все равно. Равно той самой пустоте, что вдруг накатила на него, унося куда-то, когда-то, зачем-то...

Сергей Михайлович натянул кальсоны и снова, против воли, глянул на мирно храпящую Марину Павловну. Сколько раз он зарекался! И сейчас, снова глядя на бесчисленные складки, обильно свисающие с бесформенного, ослабленного, вонючего от их совместного пота тела, он вновь не мог взять в толк, как же его опять угораздило. Эта идиотская связь тяготила, угнетала его. Сразу после утоления похоти тело Марины Павловны вызывало в нем столь омерзительные ощущения, такое чувство стыда и отвращения, что передать невозможно. Однако не проходило и недели, как отвращение сменялось столь же немислимым желанием, а стыд страстью. И Сергей Михайлович вновь тащился к безропотной Марине Павловне, чтобы уже через полчаса снова мучиться угрызениями совести и клясться, что «больше ни в жизнь». Неслышно он выскользнул за порог и столкнулся с ней. Дина не плакала, нет. Она страдала. «Как она узнала?» — успел подумать Сергей Михайлович, как будто это имело какое-то значение, и тут увидел свой охотничий нож, неумело занесенный для удара. Рефлекторно уклонившись, он выкинул навстречу ножу руку, но попал

жене прямо в горло. Глухо всхлипнув, Дина скатилась вниз по лестнице, и к тому времени как он сбегал к распластавшемуся на площадке телу, ее давно уже ничего не выражающие глаза, не выражали совсем ничего...

И вдруг в них появилось выражение. Выражение любопытства.

— Ну как? — в интонации, с которой был произнесен этот короткий вопрос, Сержу послышалось и удовлетворение, и странное, почему-то неприятное покровительство.

— Что это? Что это было?!

— А я откуда знаю? Смотря когда ты увидел.

— Что значит, смотря когда?

— То и значит. Расскажи, тогда попробую объяснить.

— Ну я... Как будто я мужик такой. Деревенский, кажется. Баба такая рыхлая была. Толстая. И ты. Ты на меня еще ножом замахивалась...

— Ах это... Ну что ж, неплохо... Думала, прошлую увидишь, а ты через две перемахнул.

— Пролую ЧТО? Чего ДВЕ? Знаешь, я к фантастике хорошо отношусь, когда она в книжках. Или в кино. А в жизни такое обычно лечить надо. У психиатра или нарколога.

— А это не фантастика, Серенький, это реальность. Сейчас ты все поймешь.

И снова этот взгляд. Отсутствие взгляда. Пустота — затягивающая, всасывающая...

Дон Сезар спрыгнул с лошади и, тяжело дыша, взбежал по ступеням, стараясь не топтать и не бряцать оружием. У двери он остановился, оправил платье и отдышался. Пригладив редеющие волосы, напустил на себя важный вид, подобающий моменту, и выбил дверь ногой. Соглядатай не солгал — Диана, его обожаемая и несравненная Диана, трепыхалась в объятиях своего кузена, словно мотылек в паучьих лапах. Дон в два прыжка преодолел расстояние до кровати и вонзил шпагу в не успевших разъединиться любовников. Паук и мотылек на одной булавке.

Серхо издали наблюдал за брачной церемонией. Пусть Дайян не по своей воле выходила за богатого иноземца, но разве это имело значение? Разве не клялись они друг другу в любви и верности до самой смерти? Разве может быть что-нибудь важнее клятвы?

Ехам хотел Айну. Но и Еейну хотел тоже. Айна должна понимать. Он мужчина. Он воин. А честь воина в победах. Так почему же она...

Он — обнаженный, в заброшенном саду, а рядом тоже нагая... Ева? А он, выходит, кто — Адам? Да, понял-вспомнил-почувствовал, он — Адам. Только она — не Ева. Тогда кто же? Из будущей памяти пришло имя-слово-символ. Лилит! Имя вспыхнуло в его мозгу, и эта вспышка испепелила прекрасную девушку, и боль накатила на сердце...

Все кончилось. Не внезапно, нет. Времени прошло вполне прилично. За окном проклевывался рассвет, птицы и дворник разбавляли тишину навязчивым рэпом. Дина уже оделась и, сидя на подоконнике, курила, сбрасывая пепел в опустевшую сигаретную пачку.

— Это какой-то наркотик? — Серж знал, что это не так, рот выплюнул глупость исключительно самостоятельно. Словно поняв это, Дина не просто проигнорировала вопрос, но даже не взглянула на Сержа. Это его задело.

— И что нам теперь делать?

— Нам? — никакой иронии, только равнодушие. Уничтожающее, стирающее в пыль. — Не знаю, как тебе, а мне в школу скоро. Так что собирай манатки и — бай-бай.

Это заявление уже не просто задело — оскорбило Сержа! Женщина, которую он любил всю жизнь, все свои, сколько там их было, жизни...

— Но ведь я любил тебя все свои жизни! Сколько бы их ни было! — Серж не только внутренне содрогнулся (Господи, какая фальшь!), его и внешне всего передернуло. И все же, вот так собраться и уйти? Ну, нет, хрен с ним, с пафосом, хрен с нею, с фальшью! Только что узнав, почти поняв, едва приблизившись... — Может, начнем все сначала?

— Сначала? Ты дядь что, того совсем? Крышу андулином крыть надо, протекла совсем. Ты через пару лет у уролога пропишешься, а я только жить начала!

— Но ведь ты тоже... Тоже любила меня. И я любил.

— Любила, любил... На улице третье тысячелетие, дядя. Кроме того, твоя так называемая любовь плохо заканчивается. Для предмета твоей типа любви. Хрен тебе теперь, дяденька. Вали отсюда, пока ментов не вызвала. Изнасилование, растление, глядишь, и уролог не понадобится...

Выйдя на улицу, Серж оглянулся, пытаясь разглядеть лицо в окне или хотя бы силуэт... Тщетно. И горькая обида накатила на него. Курить хотелось зверски, а сигареты...

Об авторе

Рис КРЕЙСИ — псевдоним известного новосибирского поэта и драматурга Бориса Гринберга, автора многочисленных публикаций в России и за рубежом, а также нескольких книг — «Год дракона» (1991), «Ты» (1992), «Опыты пО» (2000), «Ас реверса» (2007). Рассказ «Как долго...» — первая публикация автора в жанре фантастики.